

Мотивы сотворения мира в творчестве Л.Е. Миллер и В.В. Набокова

Данилова Елизавета Сергеевна

молодой ученый

СГАУ им. Н.И. Вавилова, Саратов, Россия

lizamart@yandex.ru

Название книги Л. Миллер, «Сто оттенков травы и воды», отсылает нас к живописи, и мы ожидаем картинности, статичности. И хотя это только первый смысловой слой, все же образ чистого холста, воплощающий доэдемское состояние жизни, постоянно присутствует в книгах поэта: «Безымянный день», «Земля и дом», «Заметки, записи, штрихи», «Сплошные праздники» и др. Но этот образ дает начало другому, символизирующему сотворение мира и движение жизни.

«Жизнь», «жить» – эти слова становятся ключевыми. Жизнь для поэта – ценность непреходящая. Она не только волна-вечность, но и мгновение. В «жизни» Миллер главенствует иррациональное начало. Образ ее самый противоречивый. С одной стороны, «все текуче» [Миллер: 16]. С другой, жизнь представляет собой лишь варианты Вечного (как раз те самые «оттенки травы и воды»).

В последней книге нет стихов о «свойствах эпохи»: авторская позиция Миллер определяется первоочередными вопросами бытия, ценностями души. Рядом со здешним, привычно-земным находится другое измерение, настолько близко, что говорить о нем можно лишь простыми и привычными словами. Жизнь оказывается явлением небесного, вечного порядка. Поэтому лирическая героиня Миллер ищет ответов на вопросы, относящихся к вечным, ее не устраивает безмятежное бытие травинки, она не может жить, как растение.

Оправданно и закономерно возникает переключка со стихотворением М. Цветаевой, для которой «голос правды небесной» был «против правды земной» и «ценности неба» всегда оставались главенствующими. Но если мифологизированный лирический герой Цветаевой приобретал черты сверхчеловека, то у Миллер иначе. Поразительно ее представление о незащитности не только людей, но и Бога. Сотворенный мир – не дом, а временное пристанище, но тем пронзительнее любовь к нему лирической героини.

Не наследуя цветаевской энергетике, Миллер оказывается в том же небесном пространстве. Но не в самом стремлении ввысь, не в надрыве («против правды земной»), а в том, что сквозь вещи обыкновенные проступает небесное.

Мотив сотворения мира проявляется в прозе и в стихах В. Набокова. Родство это настолько очевидно, что становится ключом к авторским ценностям Л. Миллер, выявляет место ее поэзии в русле традиции. Когда Миллер рассуждает об индивидуальном стиле поэта, она цитирует близкие ей стихи Набокова.

Раннего Набокова интересует природа во всем многообразии. При этом он рассматривает ее словно «под лупой». Если Миллер обходится понятиями родовыми, то в стихах Набокова были бы указаны вид птицы, признаки яблони, цвет рассвета. Так проявляется его пристальное внимание к жизни, взгляд прозаика. Но и у Набокова, и у Миллер сходна сама лирическая интонация стихов – в их обращенности к прошлому, первоначальному, довременному.

«Божья тень волнистая сквозь наши / завесы разноцветные видна» [Набоков: 54], – утверждает Набоков. За этой метафорой – суть всего его творчества, его кредо: мир – театр, созданный Богом, жизнь непрочна, как «разноцветные завесы», а истинное, сущность – там, за ней, за непрочностью и зыбкостью.

В стихах Миллер подобных метафор не возникает. Она в принципе реалист, даже в самых фантастических вещах. Это уже лирическая убежденность в том, что небеса – не метафора, а реальность.

У Набокова, напротив, сама жизнь, процесс ее сотворения оказываются рациональными, механистичными, объяснимыми. Видимо, поэтому в его стихах значительна публицистическая составляющая.

Мироощущение же Миллер – «всеземное». Отсутствие публицистики только подчеркивает абстрактность и иррациональность созданного поэтом мира. Жизнь – это сказка, Творение Бога, задуманное как нечто вечное, лишённое тревоги. Это жизнь в чистом, первозданном состоянии.

Райское состояние «Божьих чад» напрямую связано с их безмолвием. Они не говорят (так как содержанием разговора может стать нечто серьёзное или трагическое: разлука, смерть, встреча), они – «лепечут, как дети». О «детстве» мира и бесконечности жизни ведётся речь в стихотворных «молитвах».

Происходит перенос временной категории в пространственную: «...краткий миг продлен / Лучами, ливнями, тенями...» Здесь время, воплощённое в живописи, живет на холсте жизни, который снова ждет «руки творящего». И если справедливо предположить, что поэт или писатель пишет всегда одно и то же произведение, то у Миллер это будет стихотворение о сотворении мира. Все остальное – различные его варианты: творения художника, развитие созданного и вечные вопросы человека, его сомнение, печаль, молитва о возвращении прежнего, прошлого, о чуде («Да не сгорит горящий куст»).

Литература

Миллер Л.Е. «Сто оттенков травы и воды...». Из новых стихов: 2002–2005. М., 2006.
Набоков В.В. Стихотворения. М., 2004.